

УДК 81'42: 811.112.2

Н. М. Биккулова

Взаимодействие временных форм глагола и лексических показателей при структурировании художественного текста (на материале немецкого языка)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с взаимодействием временных глагольных форм немецкого языка (плюсквамперфекта, перфекта, претерита) и лексических показателей темпоральной семантики (номинативного и релятивного характера) при создании многоплановой временной перспективы повествования и при дифференциации субъектных планов повествования в художественном тексте. Анализ языкового материала позволяет сделать следующие выводы. При выражении временной перспективы повествования средства лексического и грамматического уровней взаимодействуют друг с другом и между ними могут существовать отношения семантической совместности или отношения семантической несовместности. В последнем случае возможны два варианта: лексическое средство выступает «переключателем» грамматического средства в область своего употребления; грамматическое средство переводит лексическое в сферу своего функционирования. Напротив, при выражении субъектных планов повествования достаточно наличия либо лексического указателя, либо грамматического выразителя данного явления, то есть между грамматическими и лексическими единицами существует отношение взаимоисключения.

Ключевые слова: текст, временная перспектива повествования, темпоральная структура текста, временные формы глагола, наречия времени релятивного и номинативного характера.

Функционирование языковых единиц разных уровней в тексте немислимо в изолированном виде, поэтому исследование их функционирования невозможно без учета взаимодействия данных единиц друг с другом. Исследование взаимодействия грамматики и лексики уходит корнями в традицию отечественного классического языкознания (А. М. Пешковский, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов, А. А. Потебня). Продолжая традиции классической науки, вопросами взаимодействия грамматики и лексики специально занимались В. В. Виноградов, И. И. Мещанинов, Л. В. Щерба. В последние десятилетия в отечественном и зарубежном языкознании утвердились особые области исследования, так называемые межуровневые, находящиеся на стыке между грамматикой и лексикой. Как пишет И. Я. Харитонова, в гносеологическом аспекте взаимоотношения грамматики и лексики могут быть описаны в виде следующих оппозиций [7, с. 6]:

а) система — текст. Так как потенциальные свойства языковых единиц в системе проявляются в виде их линейного взаимодействия в тексте и нелинейного наложения грамматических и лексических значений в речевых сегментах, то возможно изучение, с одной стороны, системных потенциалов, а с другой стороны, взаимодействия грамматики и лексики в акте речи и в тексте;

б) парадигматика — синтагматика. В парадигматике грамматические и лексические единицы находятся в отношении «или-или», в синтагматике обнаруживают отношения взаимодействия;

в) план выражения — план содержания. Проблема соотношения плана выражения и плана содержания предполагает установление, с одной стороны, взаимного «сотрудничества» единиц разных уровней, выражающих одно содержание, а с другой — установление «многомерности» одной формы, в которой наслаиваются грамматические и лексические планы содержания;

г) взаимодействие — противодействие. Данная оппозиция, опирающаяся на философский закон о тождестве и различии, которые взаимосвязаны и взаимно предполагают друг друга, усматривает в противоречии между взаимной необходимостью и взаимной несовместимостью лексических и грамматических единиц один из законов жизни языка.

© Биккулова Н. М., 2016

Однако перечисленные аспекты исследования грамматики и лексики не исчерпывают всех возможностей изучения проблемы. Данная проблема продолжает оставаться актуальной, что объясняется сложностью и многоаспектностью объекта исследования и отсутствием достаточно полного и систематизированного описания вопросов взаимодействия грамматики и лексики.

В работах, посвященных взаимодействию лексических и грамматических средств при выражении категории темпоральности, отмечается функциональная недостаточность системы глагольных временных форм немецкого глагола, которая представляет собой, по выражению Г. Вейнриха, довольно неповоротливый механизм „ein recht stumpfes Werkzeug“ по сравнению с разнообразными семантическими оттенками наречий времени [11, с. 9]. А. В. Бондарко подчеркивает, что грамматическое средство создает лишь «фон», а лексические средства, накладываясь на него, выступают в качестве «спецификаторов» данного значения [4, с. 55].

Е. И. Шендельс указывает в качестве одной из особенностей лексических средств на их способность дополнять, уточнять или модифицировать грамматическое значение, не дублируя его [8, с. 101]. Однако, как пишет Шендельс, временная лексика не только уточняет временную перспективу, но и способна перевести все высказывание из одного временного плана в другой, нейтрализуя временное значение употребляемой в предложении глагольной формы. Наречия времени и существительные темпорального значения, создающие в предложении особый лексический контекст, Е. И. Шендельс объединяет под термином «внешняя лексическая обусловленность» и рассматривает их как мощный фактор нейтрализации основного парадигматического значения глагольной формы.

В немецкоязычной лингвистической литературе также подчеркивается определяющее значение временной лексики при передаче категории темпоральности. Так, В. Флемиг пишет, что установление времени в предложении определяется не временной формой, а лексическими временными обстоятельствами, смыслом и контекстом, так как временные формы немецкого глагола не представляют собой объективной системы, потому что наряду с обозначением темпоральности они изображают действие с субъективной оценкой. Временное упорядочение действий в немецком языке осуществляется более обширно лексическими средствами или раскрывается из знания общего смысла ситуации [10, с. 3]. Г. Бринкман также считает, что временное отношение в немецком языке выражается не столько грамматическими, сколько лексическими средствами [9, с. 332]. Таким образом, вопросы о роли временных глагольных форм и лексических показателей времени при выражении временных отношений в художественном тексте и условиях, при которых возможно их взаимодействие, остаются актуальными.

Как показывает анализ примеров, временные глагольные формы выступают совместно с лексическими показателями, как правило, при выражении временной перспективы повествования, в частности ретроспективы. Справедливо замечание У. Вейнрейха о категории прошлого. «По-видимому, — пишет он, — универсальной закономерностью является следующий факт: по отношению к прошлому в языках проводится больше (или столько же, но не меньше) временных различий, чем по отношению к будущему, количество степеней «прошлости» и ее типы широко варьируются по языкам и представляют собой интересный материал исследований» [1, с. 179]. Такие временные формы глагола, как плюсквамперфект, претерит и перфект, способны создавать в художественном произведении временную рельефность повествования, сочетаясь с разнообразными лексическими сопроводителями, при этом характер взаимодействия грамматической формы и лексического средства зависит от семантического значения последнего.

Плюсквамперфект, передавая при экспликации темпоральной перспективы повествования ретроспективный план в претеритальном повествовании, выступает в сочетании не только с наречиями времени релятивного характера (*nun, einst, bald*), но и с лексическими средствами номинативного характера [3, с. 146]. При этом плюсквамперфект сочетается:

а) с предложными группами, в которых существительное имеет временное значение, а предлог может иметь значение предшествования, например предлог «*vor*»; или сочетать значение предшествования со значением протяженности действия, например предлог «*durch*»; или предлог, указывая на момент отсчета действия, может сочетать значение предшествования и длительности действия, например предлог „*seit*“.

Einmal vor Jahren hatte nach heiteren Frühlingswochen hier dies Wetter ihn heimgesucht und sein Befinden so schwer geschädigt, dass er Venedig wie ein Fliehender hatte verlassen müssen (Th. Mann, Der Tod in Venedig [15, S. 254]).

Schon durch Jahre des Krieges hatte er Tote gesehen, Kameraden waren neben ihm gefallen, und er hatte sich nach Überwindung des ersten Schrecks kaum Gedanken darüber gemacht, weil eben Krieg und alles ganz selbstverständlich gewesen war (W. Joho, Die Hirtenflöte [13, S. 139]).

Ihre ausgemergelten Gesichter waren grau bis grauschwarz. Offenbar hatten sie sich seit Tagen nicht gewaschen und auch nichts gegessen (F. Wolf, Siebzehn Brote [13, S. 10]);

б) с субстантивными группами, в которых значение предшествования выражается через атрибутивный член группы.

Wann immer und wo es galt, zu feiern, der Ruhe zu pflegen, sich gute Tage zu machen, verlangte ihn bald — und namentlich in jüngeren Jahren war dies gewesen — mit Unruhe und Widerwillen zurück in die hohe Mühsal, den heilig-nüchternen Dienst seines Alltags (Th. Mann, Der Tod in Venedig [15, S. 270]).

Und nur der kleine weiße Salon, wo sie ihm in jener Mondnacht zuerst erschieden war, lag unberührt (H. Mann, Pippo [13, S. 77]);

в) с существительными, обозначающими определенные возрастные этапы в жизни человека и приобретающими ситуативно обусловленное значение предшествования.

Ungenügsamkeit freilich hatte schon dem Jüngling als Wesen und innerste Natur des Talents gegolten, und um ihretwegen hatte er das Gefühl gezügelt (Th. Mann, Der Tod in Venedig [15, S. 229]).

Er diente das neunte Jahr bei der Polizei; als Zwanzigjähriger war er zur Polizei gegangen, und er hatte dort jeden nur denkbaren Dienst getan (F. Fühmann, Spuk [12, S. 323]);

г) с существительными временного значения, приобретающими значение предшествования в контексте при антонимическом употреблении с другими существительными темпорального значения.

Am Tag waren die dreißig Soldaten des Wagens gleichsam ein Körper und eine Seele gewesen. In der stillen Nacht geschah die allmähliche Rückverwandlung in lauter Einzelwesen (W. Joho, Die Hirtenflöte [13, S. 123]).

Am anderen Morgen erkundigte ich mich, was sich am Abend nun eigentlich zugetragen hatte (F. Fühmann, Spuk [12, S. 325]).

При употреблении с временными наречиями релятивного характера плюсквамперфект обычно сочетается с наречиями, обозначающими предшествование: *einst, damals, früher, bisher, vorher, vor kurzem, gestern*.

Einst hatten sie den Taktstock geführt, dem Spiel des Orchesters Zartheit und Kraft gegeben, Tongemälde mit Farbe und Schönheit erfüllt (J. Petersen, Der Frack [13, S. 111]).

Richtig erschrocken war er gewesen über diese große Liebe, die wie ein schweres Gewitter so plötzlich über ihn herfiel und mit ihren grellen Blitzen alles ganz anders aussehen ließ als das, was er sich bisher unter Liebe vorgestellt hatte (L. Turek, Das Mädchen von Husum [13, S. 20]).

...dreimal im Jahr, zu Ostern, zu Weihnachten und zu Großmutter's Geburtstag, kam eine Karte von ihrer Schwester, bei der sie vorher gewohnt hatte und die ich nie kennenlernen sollte (F. Fühmann, Die Austreibung der Großmutter [12, S. 415]).

В случае если плюсквамперфект употребляется с временными наречиями обобщенного характера, не относящимися к определенному временному плану, типа „einmal“, „stets“, или с временными наречиями со значением отрицания, типа „nie“, „niemals“, то он способен «переключать» значение временного наречия, которое дополнительно под влиянием глагольной формы приобретает значение предшествования.

Aschenbach hatte es einmal an wenig sichtbarer Stelle unmittelbar ausgesprochen, dass beinahe alles Große, was dastehe, als ein Trotzdem dastehe, trotz Kummer und Qual, Armut, Verlassenheit zustande gekommen sei (Th. Mann, Der Tod in Venedig [15, S. 233]).

Der kanadische Offizier hatte zum ersten Mal Postdienst gehabt. Aushilfsweise. Er war für den englischen Abwehroffizier des Lagers eingesprungen, der Urlaub hatte. Dieser aber, Captain Camp, ein kleines Männchen hatte mir stets erklärt: „Bücher sind für Sie nicht angekommen! (J. Petersen, Der Frack [13, S. 117]).

Sein Arm war verbunden; er sah aber froh und gelassen aus, wie er daheim nie ausgesehen hatte (A. Seghers, Agathe Schweigert [14, S. 566]).

При взаимодействии плюсквамперфекта с временными наречиями релятивного характера, относящимися к иному темпоральному пласту, чем глагольная форма, лексическое средство может оказаться сильнее грамматической формы и подчинить ее своему значению. Например, наречие „später“ переориентирует значение глагольной формы на значение предстоящего, в результате чего плюсквамперфект реализует свое синтагматическое значение футурального плюсквамперфекта.

Fräulein Mees hinkte ein wenig. Ich hätte ein Lächeln verbissen, doch milderte sich die Belustigung über ihren komischen Anblick durch eine schwer damit zu vereinende Achtung: Sie hatte später Kreuz im Kleiderausschnitt nie abgelegt. Sie war ganz freimütig furchtlos mit eben diesem Kreuz nach dem verbotenen Gottesdienst der Bekenntniskirche umhergegangen (A. Seghers, Der Ausflug der toten Mädchen [14, S. 179]).

Претерит при выражении ретроспективного плана в презентном повествовании может сочетаться:

а) с лексическими показателями номинативного характера, в частности с предложными группами, в которых значение предшествования передается предлогом, или же претеритальная форма взаимодействует с именем существительным, выражающим определенный (пройденный) этап жизни человека и также поддерживающим его ретроспективное значение.

Der runde Tisch, an dem die Männer sitzen, ist einer der vielen runden Tische in der Gegend, die alle von ein und demselben Baum stammen. Vor drei Jahren wurde die Eiche hinter dem Gutsspeicher umgelegt und dann einfach eine Scheibe nach der anderen heruntergesägt, jede eine Tischplatte (J. Bobrowski, Die Idylle [13, S. 64]).

Er ist ein angesehener Essayist und Lyriker, stammt aus einer Bauernfamilie, besitzt aber nichts in seinem Äußeren, das darauf hindeutet — im Gegenteil: er ist von zarter Konstitution. Seine Kindheit verlebte er in Frankreich, in einem Orte nahe der spanischen Grenze. Seine Schulkameraden waren Franzosen spanischen Einschlags (L. Fürnberg, Vuk [13, S. 151]);

б) с лексическими показателями релятивного характера, такими как „früher“, „letzhin“, маркирующими временной пласт прошлого, как и глагольная форма.

Sie erinnert sich an gewisse Freunde in Paris, von denen sie nun durch den Krieg getrennt sind und die sie früher teils in Erstaunen setzten, teils amüsierten (L. Fürnberg, Vuk [13, S.150]).

So ist mir, wenn sie von Handzeichen zu Handzeichen meinen zeitweisen Abgang behandeln, grau ist mir, und ich altere sehr. So war mir, als ich letzhin wartend an der Werra stand, rückwärts die Wartburg im Nebel, vor mir ein Ort namens Kassel viel neblischer noch (H. Kant, Die Übertretung [13, S. 77]).

В приведенных примерах лексические средства, относящиеся к тому же временному пласту, что и грамматическая форма, усиливают значение последней.

При функционировании в претеритальном повествовании и при сочетании с лексическими средствами релятивного характера, относящимися к проспективному плану или к художественному настоящему, претерит транспонируется в сферу их употребления. Например:

Nicht nur mir war Neebs Enttäuschung aufgefallen, weil er in unserer Schar das Mädchen Gerda nicht sah, die er später so sicher finden und zu der Seinen machen sollte, dass er dadurch ihren Tod mitverschuldete (A. Seghers, Der Ausflug der toten Mädchen [14, S. 189]).

Meine Schwestern hatten sich kurz nacheinander verheiratet, und ich ging, wenn ich nicht im Geschäft war, oft ins Wohnzimmer, wo meine Mutter, die ein wenig kränkelte und deren Gesicht stets kindlicher und stiller wurde, nun meistens ganz einsam saß (Th. Mann, Der Bajazzo [15, S. 14]).

Перфект при выражении ретроспективного плана в презентном повествовании может сочетаться так же, как плюсквамперфект и претерит:

а) с абсолютными лексическими показателями ретроспективности, такими как предложные группы, в которых предшествование передается посредством присубстантивного атрибута или предлога, содержащего значение предшествования или длительности действия, например, „vor“, „seit“, „durch“.

Nach dem regen bleibt das Wasser eine knappe Stunde stehen, und hinterher ist der Weg wieder fest und trocken. Wie der Alwast auf der Chaussee, vielleicht noch besser, wenigstens nicht so schwarz. Vorigen Herbst haben sie angewalzt, hat schön gestunken (J. Bobrowski, Die Idylle [13, S. 62]).

Obwohl sie sich sehr gerade hält, hat ihr Schritt etwas unwillig Schlepplendes, als sie nun hinübergeht — wie jeden Morgen — in das Zimmer des Sohnes, das seit über vier Jahren unverändert geblieben ist, seit jenem Tag, da sie die Nachricht von Peters Tod erreicht hat (B. Uhse, Die Aufgabe [13, S. 96]).

Der Doktor spürt, dass das ihm gilt, ein Trostwort sein soll, ihm und dem erstgeborenen Sohn Hans, die in der Trauer um den abgöttisch geliebten Peter durch Jahre vernachlässigt worden sind (B. Uhse, Die Aufgabe [13, S. 100]);

б) с лексическими средствами релятивного характера, обозначающими предшествование по отношению к моменту речи, такими как „längst“, „vorhin“, „damals“.

Längst hat sie den Blick erhoben. Sie ist um den Sarg herumgeschritten und steht an dessen Fußende (B. Uhse, Die Aufgabe [13, S. 105]).

Du, Liebknecht, hast freilich schon im Jahre sechzehn aufgerufen zum Kampf gegen den Krieg. Ich habe deine Stimme gehört, ich habe gewusst von deinem Ruf und bin ihm damals nicht gefolgt (B. Uhse, Die Aufgabe [13, S. 105]).

В приведенных примерах можно констатировать гармоничное сочетание глагольной формы и лексического средства, выражающих значение предшествования на разных языковых уровнях, но не дублирующих друг друга, так как перфект передает значение предшествования в обобщенном виде, а лексические средства уточняют и конкретизируют его.

Что касается взаимодействия временных глагольных форм и временных наречий при дифференциации субъектных планов повествования, то, как показывает проведенный анализ примеров, субъектные планы повествования маркируются либо лексическими показателями релятивного характера, либо выражаются временными формами глагола.

Временные релятивные наречия, разграничивая план автора и план персонажей, способствуют порождению полифонической структуры художественного произведения, которая включает несколько «голосов» или «пластов», различающихся в тематическом, языковом, временном и функциональном отношениях. В аукториальном повествовании, которое ведется от 3-го лица, когда повествователь (автор) находится вне мира изображаемых событий, наречия „jetzt“, „nun“ могут выступать в качестве маркеров, различающих планы повествования, то есть авторский «объективный» план и персонажный субъективированный, сигнализируя как о переходе от авторского плана к персонажному, так и наоборот, от персонажного к авторскому. Например:

Er sah den Eichenholztisch und das verschobene Gitter, dann wandte er sich um und verließ den Dom, jetzt war er die Sedemunds los und ledig ihrer Garotte! Frische Luft, frische Luft! (F. Fühmann, Barlach in Güstrow [12, S. 245]).

В данном отрывке наречие „jetzt“, употребляясь в сложносочиненном союзном предложении, указывает на переход от авторского плана повествования к персонажному, переданному в виде несобственно-прямой речи, которая характеризуется включением существительного эмоционально-оценочного плана (Garotte) и употреблением восклицательного и номинативного предложений. При этом следует отметить, что разные планы повествования не дифференцируются ни графически (то есть не выделяются в отдельный абзац или знаками препинания), ни посредством временных глагольных форм, так как и в авторском и в персонажном планах повествования употребляется претерит.

В следующем отрывке наречие „nun“ выступает в качестве формального показателя перехода от персонажного плана к авторскому плану повествования.

Dann kam das Paar, die Braut umschleiert; Barlach konnte von seinem Platz aus ihre Züge nicht erkennen; sie schritt, gesichtslos, am Arm ihres zukünftigen Mannes, eines befrackten, mit satter Zufriedenheit seine drei Goldzähne überstrahlenden Fabrikbesitzers, der also in den Stand der Ehe zu treten beabsichtigte und die Braut dreist-stolzen Gesichts führte, als sei sie sein Eigentum, kein atmendes Wunder aus Herz und Hauch, nein; s e i n e Frau wie s e i n e echten und falschen Zähne, s e i n Scheitel, s e i n e Fabrik, s e i n e Arbeiter. Barlach sah den schafsstolzen Besitzer und nannte ihn Sedemund. Es schritt hier der unholde Unheld der Barlachschen Dramen und so war der Dom bevölkert von Sedemunds Welt und darum wohl auch Sedemunds Dom, und nun wandte der Bräutigam den Blick zum Nordschiff, und er sah, dass der Engel entfernt war, und er nickte. Barlach ballte die Fäuste (F. Fühmann, Barlach in Güstrow [12, S. 242]).

В данном примере первые два предложения „Dann kam das Paar, die Braut umschleiert“ и „Barlach konnte von seinem Platz aus ihre Züge nicht erkennen“, отделенные от следующего текста точкой с запятой, относятся к авторскому повествованию, так как они объективно, без оценочных и эмоциональных элементов передают содержание происходящих событий. Далее следует персонажное повествование в форме 3-го лица, содержащее модальные (wohl) и оценочные слова (mit satter Zufriedenheit, dreist-stolzen Gesichts, schafsstolz), элементы разговорной речи (also, denn), графические средства эмоционального выделения отдельных деталей повествования (графическая разрядка в тексте притяжательного местоимения s e i n). В отрывке, передающем персонажный план повествования, основное повествование одновременно продвигается вперед и замедляется за счет эмоционально-оценочного описания действия, способствующего ретардации повество-

вания. Наречие „nun“ маркирует в данном случае переход от субъективированного персонального плана, представляющего собой несобственно-прямую речь главного действующего лица Барлаха, его рассуждения, ассоциативно возникающие при наблюдении сцены церковного бракосочетания в соборе, в котором была уничтожена созданная Барлахом скульптура ангела, вновь к объективному авторскому плану повествования. Временное наречие является формальным показателем разных субъектных планов повествования, так как временные формы не дифференцируют их. Отсутствуют также пунктуационные средства различения, более того, отрывки текста, передающие разные субъектные планы повествования, связаны копулятивным союзом „und“.

Итак, обобщая изложенное, можно сказать, что при выражении временной перспективы повествования средства обоих языковых уровней (лексического и грамматического) взаимодействуют друг с другом и между ними могут существовать следующие отношения:

1) отношение семантической совместимости, когда и лексическое и грамматическое средства, относящиеся к одной временной плоскости, взаимодействуют и образуют семантико-морфологическое согласование;

2) отношение семантической несовместимости в случае, если лексическое и грамматическое средства относятся к разным временным плоскостям. При этом возможны два варианта:

а) лексическое средство выступает «переключателем» грамматического средства в область своего употребления;

б) грамматическое средство переводит лексическое в сферу своего функционирования.

Напротив, при выражении субъектных планов повествования достаточно наличия либо лексического указателя, либо грамматического выразителя данного явления, то есть между грамматическими и лексическими единицами существует отношение взаимоисключения.

Список использованной литературы и источников

1. Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике / пер. с англ. под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М., 1970. Вып. 5. С. 163—250.
2. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Учебник. Практикум. М. : Флинта : Наука, 2006. 496 с.
3. Биккулова Н. М. Функции релятивных темпоральных и локальных наречий в пространственно-временной организации художественного текста (на материале немецкого языка) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2013. № 2 (6). С. 145—150. URL: http://vestospu.ru/archive/2013/articles/bikkulova_2013_2.pdf.
4. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л. : Наука, 1990. 263 с.
5. Демченко И. Г. К вопросу о взаимодействии лексики и грамматики при обозначении времени // Вопросы германской филологии / отв. ред. М. Д. Степанова. М., 1971. С. 218—224. (Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 61).
6. Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В. Теория немецкого языкознания. М. : Академия, 2003. 395 с.
7. Харитоновна И. Я. Вопросы взаимодействия лексики и грамматики (на материале немецкого языка). Киев : Вища школа, 1982. 158 с.
8. Шендельс Е. И. Взаимодействие между лексическим и грамматическим значениями // Иностранные языки в школе. 1962. № 4. С. 92—102.
9. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf : Schwann-Verlag, 1962. 654 S.
10. Flämig W. Zur Funktion des Verbs. 1. Tempus und Temporalität // Deutsch als Fremdsprache. 1964. H. 4. S. 1—8.
11. Weinrich H. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart : Kohlhammer-Verlag, 1971. 358 S.

Источники

12. Fühmann F. Erzählungen 1955—1975. Rostock : VEB Hinstorff Verlag, 1982. 551 S.
13. 50 Erzähler der DDR. Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1976. 757 S.
14. Seghers A. Erzählungen. Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1974. 605 S.
15. Mann Th. Erzählungen. Leipzig : Verlag Philipp Reclam jun., 1975. 368 S.

Поступила в редакцию 07.02.2016 г.

Биккулова Нурия Мингазетдиновна, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: ospu-lmz@yandex.ru

UDC 81'42: 811.112.2

N. M. Bikkulova

**Interrelation of verbal tense forms and lexical indicators in structuring a literary text
(on the material of the German language)**

The article deals with problems related to the interrelation of German verbal tense forms (Plusquamperfect, Perfect, Preterit) and lexical indicators of temporal semantics (having nominative and relative character) while creating a many-sided temporal perspective of the narration and distinguishing subject planes of narration in the literary text. The analysis of the linguistic data allows the following conclusions. In expressing the temporal perspective of narration, lexical and grammatical means interact, and they may be either semantically compatible or incompatible. In the latter case there may arise two possibilities: the lexical means can shift the grammatical means to its own domain, or, vice versa, the grammatical means can transfer the lexical ones into the sphere of its own functioning. In contrast, in the expression of subject planes of narration it is sufficient to have either a lexical indicator, or a grammatical marker, i.e. grammatical and lexical units exclude each other.

Key words: text, temporal perspective of narration, temporal structure of the text, tense forms of the verb, adverbs of relative and nominative time.

Bikkulova Nuriya Mingazetdinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: ospu-lmz@yandex.ru

References

1. Veynreykh U. O semanticheskoi strukture yazyka [On the semantic structure of language]. *Novoe v lingvistike / per. s angl. pod red. i s predisl. B. A. Uspenskogo* [New in linguistics, transl. from English and ed. by V. A. Uspenskiy]. Moscow, 1970, is. 5, pp. 163-250. (In Russian).
2. Babenko L. G., Kasarin Yu. V. *Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta. Uchebnik. Praktikum* [Linguistic analysis of literary text. Textbook. Practical work]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006. 496 p. (In Russian).
3. Bikkulova N. M. Funktsii relyativnykh temporal'nykh i lokal'nykh narechii v prostranstvenno-vremennoi organizatsii khudozhestvennogo teksta (na materiale nemetskogo yazyka) [Functions of relative temporal and local adverbs in the temporal and local organization of literary text (based on German texts)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal - Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2013, no. 2 (6), pp. 145-150. Available at: http://vestospu.ru/archive/2013/articles/bikkulova_2013_2.pdf. (In Russian).
4. Bondarko A. V. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [The theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 263 p. (In Russian).

5. Demchenko I. G. К вопросу о взаимодействии лексики и грамматики при обозначении времени [On the interaction of vocabulary and grammar in marking the time]. *Voprosy germanskoi filologii, otv. red. M. D. Stepanova (Uchenye zapiski MGPIIYa im. M. Toreza, vip. 61)* [Questions of Germanic Philology: Scientific notes of Moscow State Pedagogical Institute n. a. M. Torez, ed. by M. D. Stepanova]. Moscow, 1971, is. 61, pp. 218-224. (In Russian).
6. Zelenetskiy A. L., Novozhilova O. V. *Teoriya nemetskogo yazykoznaniya* [The theory of German Linguistics]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 395 p. (In Russian).
7. Kharitonova I. Ya. *Voprosy vzaimodeistviya leksiki i grammatiki (na materiale nemetskogo yazyka)* [The interaction of vocabulary and grammar (on the material of the German language)]. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1982. 158 p. (In Russian).
8. Shendel's E. I. Vzaimodeistvie mezhdru leksicheskim i grammaticheskim znacheniyami [The interaction between lexical and grammatical meanings]. *Inostrannye yazyki v shkole*, 1962, no 4, pp. 92-102. (In Russian).
9. Brinkmann H. *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*. Düsseldorf, Schwann-Verlag, 1962. 654 S. (In German).
10. Flämig W. Zur Funktion des Verbs. 1. Tempus und Temporalität. *Deutsch als Fremdsprache*, 1964, H. 4, SS. 1—8. (In German).
11. Weinrich H. *Tempus. Besprochene und erzählte Welt*. Stuttgart, Kohlhammer-Verlag, 1971. 358 S. (In German).
12. Fühmann F. *Erzählungen 1955—1975*. Rostock, VEB Hinstorff Verlag, 1982. 551 S. (In German).
13. *50 Erzähler der DDR*. Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag, 1976. 757 S. (In German).
14. Seghers A. *Erzählungen*. Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag, 1974. 605 S. (In German).
15. Mann Th. *Erzählungen*. Leipzig, Verlag Philipp Reclam jun., 1975. 368 S. (In German).